

Культура и язык

УДК 800

Е. Г. Андреева*

СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ СЕМАНТИЧЕСКИХ КЛАССОВ ГЛАГОЛОВ, ВВОДЯЩИХ ПРЯМУЮ РЕЧЬ (АНГЛИЙСКИЙ И РУССКИЙ ЯЗЫКИ)

Статья посвящена сопоставительному анализу английских и русских глаголов, не относящихся строго говоря к речевым, но способных вводить, оформлять или сопровождать прямую речь. На основе обширного корпуса примеров делается попытка выявить основные классы глагольных лексем такого рода в двух языках, проводится сравнение их состава, частотности употребления и функционального веса в сопоставляемых языках. Проведенный контрастивный анализ дает возможность говорить о наличии определенных превалирующих тенденций в употреблении таких глаголов носителями английского и русского языков, что в свою очередь свидетельствует о национально-специфических особенностях в оформлении прямой речи.

Ключевые слова: сопоставительный анализ, прямая речь, глагол, классы глаголов, глаголы речи, неречевые глаголы, культура.

E. G. Andreeva

Contrastive English-Russian Analysis of Non-Speech Act Verbs Introducing the Direct Speech

The paper centers around verbs capable of introducing and/or accompanying the direct speech in English and Russian. The analysis presented includes mainly non-speech verbs which nonetheless tend to introduce the direct speech in literatures of these cultures. The classes of verbs revealed in both languages allow to compare and to contrast their semantics, frequency of occurrence and functional value. The classification suggested in the paper demonstrates some basic similarities as well as differences between English and Russian which in turn may also reflect certain ethno-linguistic peculiarities between the two cultures.

Keywords: contrastive analysis, the direct speech, verb, speech act verb, non-speech act verb, classes of verbs, culture.

* Андреева Екатерина Георгиевна — кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой английского языка для востоковедов филологического факультета Санкт-Петербургского университета.

Изучение способов и особенностей передачи чужой речи является многоаспектной проблемой, привлекающей к себе внимание лингвистов. Особая сложность изучения и лингвистического описания чужой (неавторской) речи заключается в том, что она напрямую связана со многими вопросами прагматики и стилистики, в частности с теорией речевых актов. Передачу чужой речи определяют как проблему, выходящую далеко за пределы собственно синтаксиса, имеющую огромное общелингвистическое значение. «Русская грамматика» понимает чужую речь как «речь, не принадлежащую говорящему, а лишь воспроизведенную (пересказанную) им с возможным указанием на ее цель, источник и ситуацию, в которой она реализовалась» [11, с. 485]. По способу оформления и характеру передачи чужой речи различают три основных класса: прямую, косвенную и несобственно-прямую речь. Все эти виды чужой речи выделяются на фоне авторской, в которую они различным образом вплетаются, выполняя разнообразные стилистические функции.

Если прямая речь — это непосредственная передача чужого высказывания от лица говорящего, то косвенная речь обычно определяется как способ передачи автором текста отрывка чужой речи в форме придаточного предложения, вводящего ее и комментирующего. Косвенная речь, следовательно, характеризуется в первую очередь изменением субъективно-модального плана. В свою очередь, несобственно-прямая речь оказывается экспрессивной формой передачи речи другого (по отношению к повествователю) лица. Формально она входит в состав речи повествователя, но представляет собой чужую речь, как в плане выражения, так и в плане семантики. По Н. Д. Арутюновой, «переплетение «своей» и «чужой» речи, явное и имплицитное, принимает самые разнообразные формы, к числу которых относятся: цитирование, прямая, косвенная и несобственно-прямая речь, повторы, подхваты и переспросы, литературные реминисценции, цитатные вопросы и прочие виды заимствований и близких или далеких переключек с чужой речью» [1, с. 669].

В данной статье представлена попытка сопоставительного анализа семантических классов английских и русских глаголов, вводящих прямую речь. Интерес к этому вопросу обусловлен тем, что, с одной стороны, до сих пор еще не получили полного освещения все глаголы, способные вводить прямую речь, а с другой — многие вопросы, такие как структура и семантика прямой речи в сопоставительном аспекте, остаются еще далеко не полностью изученными. В работе сопоставляются классы глаголов, вводящих прямую речь в английском и русском языках, и выявляются основные сходства и различия между ними. В качестве источника практического материала использовались тексты современной англоязычной и русскоязычной художественной литературы.

Прямая речь в художественной прозе является важнейшим средством реализации авторских задач, поскольку позволяет передавать индивидуальный стиль речи каждого персонажа, сохраняя все интонационные, грамматические и лексические особенности его речи, давая возможность услышать «живой голос» героя, почувствовать его характер, понять его личность. При этом слова автора, вводящие и комментирующие саму прямую речь, также обладают серьезным прагматическим потенциалом, оказывая воздействие на эмоции читателя и его восприятие описываемых событий. Иными словами, текст,

содержащий прямую речь, представляет собой сложную прагматическую единицу, а конструкции, вводящие прямую речь, имеют двоякую направленность. С одной стороны, они вводят и поясняют диалогический компонент текста, с другой — входят в его монологическую часть, становясь прагматическим маркером, поскольку вводящий компонент с неизбежностью обозначает не только адресата вводимой речи, но и фиксирует факт речепроизводства, содержит описание речи и факультативно может включать характеристику адресата, манеру произнесения, а также обстоятельства, сопутствующие говорению.

Следует учитывать, что коммуникация не ограничивается исключительно вербальным аспектом, она нередко сопровождается разного рода «шумами» (призвуками, плачем, смехом, шепотом и пр.) или различными способами невербального общения (кивком, взглядом, жестом, и пр.). Паралингвистика и кинетика как вторичные коммуникативные системы, сопровождающие собственно вербальное общение, участвуют в процессе коммуникации и могут подчеркивать или ослаблять коммуникативную силу сообщения [5, с. 56]. Вторичная коммуникативная система «отражает особенности речевого поведения коммуникантов, реализуемые ими стратегии и тактики, которые охватывают и общее построение диалога, и социальные и психологические роли коммуникантов» [6, с. 20].

Вопрос о классификации глаголов, вводящих чужую речь, достаточно серьезно проработан в лингвистике. Наиболее подробно и глубоко эти вопросы освещаются в работах русистов (М. К. Милых, З. В. Ничман, Л. В. Уманцева, В. И. Кодухов и др.). Во всех предлагаемых вариантах на первом этапе глагольные единицы выделяются на основе выполняемой ими функции — введения несобственной речи, и уже далее для разнесения на классы привлекается семантический критерий, так что глаголы, вводящие прямую речь (далее — ГПР), объединяются в микросистему в первую очередь на основании функциональной, а не семантической близости. Так, Л. В. Уманцева [12] выделяет два разряда ГПР: 1) глаголы, не квалифицирующие прямую речь, и 2) глаголы, квалифицирующие ее. Применение семантического критерия далее разбивает ГПР на три класса: а) непосредственно глаголы речи, б) глаголы, в которых сема речи является периферийной и реализуется только в определенном контексте, и в) глаголы без данной семы, которые условно назовем неречевыми глаголами, но в которых в определенных ситуациях может появляться контекстно-обусловленное значение, связанное с говорением. Это перекликается с тем, что отмечает З. В. Ничман в отношении лексического значения глаголов, сопровождающих прямую речь, — в них отражается не только само говорение, но и другие действия, либо обнаруживающиеся посредством говорения, либо протекающие параллельно с ним. Вследствие этого, очень трудно отграничить собственно глаголы речи (далее — ГР) от глаголов, характеризующих смежные с этим процессы, и в первую очередь глаголов ментальных или передающих чувства и эмоции [10, с. 34]. Еще более подробная семантическая классификация ГПР была предложена в свое время М. К. Милых и включала следующие рубрики: 1) глаголы речи (*сказать, заметить, сообщить, заорать, затараторить* и др.); 2) глаголы со значением внутреннего состояния и чувств (*спохватиться, недоумевать, обидеться, усомниться* и др.); 3) глаголы мимики,

жеста, телодвижений и других способов выражения внутреннего состояния говорящего (*простонать, всхлипнуть, подмигнуть, поморщиться* и др.); 4) глаголы мысли (*подумать, сообразить, решить* и др.); 5) глаголы восприятия (*услышать, уловить* и др.) [9, с. 105].

Нередко на звуковую сторону ГПР обращают особое внимание, так что вместо группы глаголов, выражающих внутренне состояние (у Милых — третья), отдельно разграничиваются глаголы звучания и не-звучания, а также выделяются разные по типу звучания глаголы. Помимо этого среди глаголов не-звучания могут учитываться такие характеристики, как «интеллектуальность» глагола (ментальные глаголы), «фазовость» (фазовые глаголы), «механичность» (глаголы, характеризующие физическое действие), «эмоциональность» (единицы, описывающие чувства человека) и др. Иными словами, вводить прямую речь могут и глаголы, в семантике которых сема речи не выражена даже имплицитно. Поэтому логично смотреть на ГПР шире и выделять помимо предлагаемых выше разрядов еще и фазовые глаголы, глаголы паралингвистики, глаголы звучания, глаголы движения и некоторые иные, как потенциально способные вводить прямую речь, так и вводящие ее в художественных текстах окказионально.

По сути тот же самый критерий при отграничении класса ГР Е. А. Мельникова называет лексико-семантическим, хотя и прибегает к несколько иной терминологии. Согласно этому, к глаголам речи относятся все глаголы, содержащие в своем значении сему речи и мета-сему, открывающую валентность на пропозицию. Элементами семантического окружения ГР являются «агенса» (говорящий), «адресата» (слушающий) и «содержание речи». Тогда любой глагол, оказывающийся в таком окружении, может считаться ГР. Далее применяется функционально-синтаксический критерий, учитывающий, что ГР способны выполнять мета-функцию и этим обусловлено их синтаксическое поведение (оформление прямой и косвенной речи). Последним критерием могут служить типы конструкций, в которые входит глагол в качестве их ядра, и их сочетаемость, тогда как способность глагола входить в синонимические ряды ГР может рассматриваться в качестве вспомогательного семантического критерия [8, с. 9]. Заметим, что по данным критериям к ГПР будут относиться не только глаголы речи, но и многие другие, служащие для ее оформления.

Разнообразие критериев выделения ГПР и их классификаций объясняется сложностью семной структуры ГР, значение которых включает в себя указание на три стороны речи — на то, что это акустический акт (1); на то, что это вид деятельности, осуществляемый при помощи речи (2); и наконец на мета-языковую функцию языка (3). Часть противоречий и сложностей снимается, если подходить ко множеству ГПР как к полевой структуре. В таком случае можно распределить глаголы этого поля на основе иерархии сем в значении каждого конкретного глагола (Ю. Д. Апресян, И. В. Арнольд, Л. М. Васильев и др.). Иными словами, те глаголы, в значении которых сема речи является единственным или доминирующим элементом и занимает главенствующую позицию в семантической иерархии, образуют ядро поля. Те глаголы, в значении которых есть речевая сема, но она не является главной в структуре их значения, находятся на некотором удалении от ядра. Наконец, те глаголы,

в составе сем которых нет элемента говорения, хотя они окказионально могут использоваться для введения прямой речи, оказываются на периферии поля. При таком широком понимании семантики ГР границы самого класса существенно расширяются (Л. М. Васильев, З. В. Ничман).

Очевидно, что по своей структуре классификация ГПР для английского и русского языков принципиально различаться не будет, так как оба применяемых критериях (и лексико-семантический, и функционально-синтаксический) одинаково релевантны и действенны для обоих языков. Однако списки глаголов по языкам могут существенно различаться, как и частотность употребления глаголов того или иного семантического класса, тем самым выявляя различия в способах передачи прямой речи в сопоставляемых языках и, возможно, различия в языковых картинах мира. Ответ на этот вопрос может дать лишь анализ реального употребления глаголов, используемых для введения прямой речи. Для этого был составлен корпус примеров таких глаголов в двух языках объемом свыше 400 единиц, который был почерпнут методом частичной выборки из произведений современных русскоязычных и англоязычных авторов (594 страницы на английском языке и 556 страниц на русском языке) [2; 4; 13–15]. Семантические классы глаголов выделялись на основе анализа окружающего их контекста, статус каждой единицы проверялся по английским и русским толковым словарям — Collins Cobuild Dictionary (CCD), Merriam-Webster Dictionary (MWD), словарю под редакцией Д. Н. Ушакова и Большому толковому словарю русского языка под редакцией С. А. Кузнецова.

В соответствии с предлагаемыми классификациями, все отобранные глаголы распадаются на три большие группы: глаголы говорения или речи, у которых сема говорения зафиксирована в толковых словарях и проявляется во всех контекстах употребления данных единиц; узуально-текстовые ГПР, для которых сема говорения актуализируется в определенном контексте, в основном при введении ими прямой речи; окказионально-текстовые ГПР, не имеющие в своей семантической структуре значения говорения, но использующиеся, тем не менее, для введения прямой речи.

Первая группа глаголов речи и для английского, и для русского языков является самой обширной, что обусловлено их частотностью. Достаточно указать на то, что глаголы *сказать* и *говорить* являются третьим и четвертым по частотности [7], тогда как в английском глагол *to say* — пятый по частотности [16]. Заранее оговоримся, что к ГР мы относим лишь те фонические глаголы, у которых есть словарно зафиксированная сема речи, тогда как «чисто» фонические глаголы будут рассматриваться отдельно, равно как и фазовые глаголы.

Все ГР разбиваются пять основных подгрупп: (1) глаголы сообщения и передачи информации; (2) глаголы речевого общения и обмена информацией; (3) глаголы речевого воздействия; (4) глаголы речевого поведения; (5) глаголы этикетного поведения. Общее количество ГР оказалось чуть меньше для русского, чем для английского языка (71 и 81 глагол соответственно), и наблюдается некоторая разница в распределении глаголов по конкретным подгруппам.

В первую группу глаголов сообщения и передачи информации вошли такие глаголы, как русские *сказать*, *говорить*, *заявлять*, *констатировать*,

признавать, подчеркивать, произносить, заверять, объявлять, подытожить и др.; английские *to say, to explain, to state, to announce, to declare, to inform, to note, to confide*. Примеры их употребления в текстах весьма единообразны: «*That's enough prattle,» the woman **declared***, или «Неприятное ты существо», — **резюмировал** наш разговор Калугин.

Внутри этой подгруппы можно выделить глаголы передачи информации с эмоциональным или оценочным значением: *сетовать, жаловаться; to complain, to boast, to lament, to moan*; а также глаголы, характеризующие особенности звучания речи: *шептать, тараторить, мямлить, буркнуть; to whisper, to mutter, to drawl, to mumble, to lisp, to slur, to singsong*. В них сема речепроизводства является главенствующей, поскольку нельзя ни тараторить, ни мямлить, ни шептать что-либо, не связанное с речью: «Ты Томе своей спасибо скажи», — **пробурчала** Мария; «*Baby's turn now,» she **lisped**, reaching for him*.

При общем внешнем сходстве этих глаголов в двух языках их количественный состав значительно различается — 32 английских глагола (четыре с оценочным значением и семь — звучания) и 20 русских глаголов (два с оценочным значением и четыре — звучания), что свидетельствует о большей функциональной нагрузке на эти глаголы в английском языке по сравнению с русским. В отношении выражения «оценочности» или «звучности» языки, по-видимому, не различаются — и в том, и в другом описать громкость речи и ее внятность или невнятность оказывается важнее, нежели передать оценочную характеристику речи персонажа.

Следующую подгруппу — глаголов речевого общения — составляют глаголы со значением обмена мнением, вопроса, ответа, выражения собственного мнения, установления контакта и пр.: *спросить, ответить, откликнуться, парировать, комментировать, отзываться, возражать, осведомиться, уточнить; to ask, to reply, to respond, to object, to question, to comment, to dispute*, как, например, в следующих репликах: «*I don't beg for nothing,» she **retorted** sharply; «Чем это ты занят, скажи на милость?» — **полюбопытствовал** я. Здесь, напротив, русский язык демонстрирует большее многообразие — 24 русских глагола по сравнению с 16 английскими.*

Ситуация с глаголами речевого воздействия, в число которых входят глаголы побуждения и глаголы эмоционального воздействия, в обоих языках численно более или менее единообразная — 14 единиц русского языка (*советовать, настаивать, велеть, командовать, наставлять, учить, просить, приказывать, требовать*) и 10 английского (*to insist, to counsel, to demand, to command, to suggest, to plead, to instruct, to urge, to order, to beg*). Среди них можно выделить два подвида: глаголы положительного эмоционального воздействия (выражающие похвалу, лесть) и глаголы отрицательного эмоционального воздействия (выражающие насмешку, иронию, упрек, угрозу, окрик, брань и т. д.). Например: «*You nearly drowned me!*» she **accused**; «А ну тихо!» — **одернула** нас Валентина Степановна.

Соотношение русских и английских глаголов весьма любопытно: если в «положительной» зафиксировано по два глагола в каждом языке (*to wheedle, to encourage; хвалить, льстить*), то во второй — на три русских глагола (*связывать, одергивать, прикрикнуть*) приходится 12 английских

(*to threaten, to scold, to taunt, to tease, to scoff, to quip, to mock, to reproach*), так что соотношение между языками принципиально изменяется. Совершенно очевидно, что в русском языке это далеко не все глаголы такой семантики (есть еще *ругать, передразнивать, издеваться, запугивать* и многие другие), но то, что они не вошли в выборку примеров, все же позволяет сделать вывод о большей употребительности отрицательно окрашенных английских глаголов.

В четвертую подгруппу глаголов речевого поведения вошли те, которые так или иначе характеризуют поведение субъекта речи: «*What, and bring the plague back with you?*» — *she snapped*. «*Certainly not. Are you mad?*»; «*Какие деньги?*» — *заюлил Николай*; «*Да чтоб вам пусто было!*» — *чертыхнулась Мария*. Эта подгруппа демонстрирует удивительное количественное единообразие (по пять глаголов в каждом языке) и семантическую близость (отражая примерно одни и те же поведенческие характеристики).

По четыре глагола каждого языка оказалось и в последней подгруппе глаголов этикетного поведения, которые к тому же семантически идентичны: *приветствовать, поблагодарить, извиняться, поздравлять* и *to greet, to thank, to excuse, to congratulate*.

Отдельная часть примеров отражает употребление словосочетаний и выражений, использующихся исключительно для описания речевой ситуации и оформления прямой речи, что позволяет включить их условно в группу речевых, хотя глаголов речи как таковых в их составе нет: «*What about the key to the studio?*» *Catharina finally found an argument*; «*A little,*» *came the faint reply*; «*I divide men into two categories,*» *Lucky broke the silence; I tried a different question*. «*Why are there paintings in Catholic churches?*»; «*What did she say?*» — *I tried to sound unconcerned*; «*Стой смирно,*» — *непроизвольно перешила на армейский язык Валя*.

Можно заключить, что глаголы первой группы — собственно речевые глаголы — функционируют в английском и русском языках, проявляя больше сходств, чем значительных различий. Большим разнообразием в использовании глаголов сообщения отличается английский язык, тогда как русский превосходит его в отношении глаголов общения, что может свидетельствовать о некотором различии в удельном весе «ролей» при общении в двух культурах — большем значении «информативности» в английском социуме и большем значении «общительности» в русском.

Гораздо более интресную картину в сопоставительном плане представляют узуально-текстовые ГПР, в которых сема говорения потенциальна и актуализируется лишь в контексте, и которые разбиваются на следующие подгруппы: (1) глаголы звучания; (2) глаголы, обозначающие различные виды деятельности человека; (3) фазовые глаголы.

Бросается в глаза то, что оба языка активно используют фонические глаголы для введения прямой речи, однако в английском языке их список значительно более широкий (23 глагола по сравнению с 13 в русском языке) и более активно используются глаголы, характерные для описания звуков, издаваемых животными и птицами, чаще всего подчеркивая такие эмоции, как гнев или раздражение: «*Y'dirty stinkin' little rat,*» *Zeko snarled*; «*I'm sure!*» *bellowed*

Aldo; «What is it, girl?» Maria **grunted**; «Have they gone?» Catharina **hissed**; Maria **snorted**: «He's been working on it for three months.»

Нередко глаголы этой группы выступают маркерами специфической манеры речи или особенностей характера персонажа: «You like the joint, fellas?» she **squeaked**; «What's your name?» she **purred**; «How absolutely marvelous!» **chirped** Jennifer; «I'm gonna be a married man!» he **hooted**; «Come back again, sonny,» the whore **cackled**.

В русском материале встречаются такие глаголы, как *фыркать*, *пищать*, *выть*, *взрывать*, *щебетать*, *шипеть*, но их круг заметно уже, нежели в английском, и нередки случаи, когда английские глаголы этой группы при переводе на русский язык теряют главный компонент «звучности» в своей семантике, как в следующем примере: «Go on, girl,» Maria **growled impatiently**. — «Ну иди же!» — **поторопила** меня Мария Тинс.

Кроме того, английский язык отличается от русского и тем, что для обозначения визга и крика или сочетаний, описывающих тон голоса, используется целый ряд глаголов, тогда как в русском материале их всего лишь три: «Get off him, leave him alone!» — he **yelled**; «Go on, then!» Catharina **cried to me**; «Who are you?» she **shrieked**; «This is so exiting!» Jennifer **squealed**; «A fuckin' cop,» Aldo **screamed**; A woman was **wailing louder than anyone**. «My husband! My husband!»; «Damn it!» he **whooped**, standing up and watching Mrs. Duke depart; «That's enough prattle,» the woman **shouted**; She **lowered her voice**. «The master doesn't paint enough to make the money for servants, you see»; «Oh, sorry.» Her **voice dripped sarcasm**. «I'll never say kidding again»; She **raised her voice**: «Catto! Come and see who we got here!»; «Tomorrow might be too late.» Her **voice trembled**. «He threatened to kill me again»; «Are you telling me I can't come in?» Her **tone shifted** from amused to icy; «Смотри, оторвут когда-нибудь бабку», — **крикнул** ему в спину Степан; «Да отпусти ты меня!» — **заорал** на него Тетерин; «Ну что?» — громогласно **возопил** Михаил; «Батя, у меня звезды закончились», — **подал голос** Степан.

Весьма обширную группу составляют фонические глаголы, в которых признак звучности сопряжен не с голосовыми связками, а с работой иных органов, так или иначе задействованных при артикуляции. Из английских глаголов в эту группу вошли такие глаголы, как *to breathe*, *to spit*, *to swallow*, *to wheeze*, *to gasp*, *to sigh*, *to gurgle*, у которых сема говорения зафиксирована в переносных значениях словарных дефиниций: *to breathe* — to speak softly, whisper; *to spit* — to utter (short sharp words or syllables); *to swallow* — to enunciate words indistinctly, mutter; *to wheeze* — utter something with a rasping or whistling sound; *to gasp* — to utter or emit breathlessly. В словарных дефинициях аналогичных русских глаголов (в нашей выборке это *сплюнуть*, *вздыхать*, *выдохнуть*, *задохнуться*) сема говорения не указывается, хотя носителями языка она четко распознается. В русском языке при вводе прямой речи эти глаголы, скорее, характеризуют внутреннее состояние человека и проявляемые им чувства, нежели издаваемые звуки, так что их «фонический» статус может представляться спорным.

Для многих звуковых глаголов, используемых в качестве глаголов речи, характерна метафоричность. В основе метафоризации большинства глаголов, описывающих акты речи, лежат не только крики животных (*гаркнуть*,

гавкнуть, мурлыкать и проч.), но и звуки окружающего мира и явлений природы (зудеть, греметь, бушевать и др.): «Безобразие!» — *загудели* гости; «So,» *boomed* the grey-haired man, speaking for the first time, «these are friend of yours»; «Я врач!» — *бушевал* Тетерин; «No, madam,» I *echoed*.

В целом можно заключить, что хотя оба языка обладают большим количеством фонических глаголов, используемых для введения прямой речи, английский язык все же в этом отношении явно превосходит русский как по числу и многообразию глаголов, так и по их употребительности.

В оформлении прямой речи в обоих языках достаточно часто задействованы глаголы, обозначающие начало, продолжение или конец какого-либо действия. Такие глаголы, судя по словарным дефинициям, не содержат в своем значении сему речи (исключение составляет глагол *to begin*: *to start to say or speak*), однако она легко актуализируется в контексте. Формирование окказионального значения говорения в этом случае происходит под влиянием семантического эллипсиса. Это может подтверждаться и переводом глаголов с английского языка на русский, когда сема речи эксплицируется: «Please, sir,» I *begun*, «can you help me get that pot?»; «Пожалуйста, сударь, — покраснев, *заговорила* я, — вы не можете мне выловить это ведро?». Функциональная значимость таких глаголов в обеих культурах, как показывают примеры, весьма близка.

В меньшей степени метафоризация характерна и для «полуфазовых» и совершенно «не-фазовых» глаголов, описывающих в первую очередь неречевые действия человека: *бросить, оборвать, выдавливать, тянуть, пригвоздить, отрезать; to falter, to drop, to return*. Среди примеров их употребления для введения прямой речи встретилось 11 русских глаголов и всего лишь три английских. Можно заключить, что для русского языка это более типичное явление, нежели для английского: «Так и сказал?» — *дожимала* его Томка; «Isn't it?» I *faltered*. Можно предположить, что и в английском языке возможно использование глагола *to press* в значении *нажимать, дожимать*, однако таких примеров в проанализированной литературе не встретилось. Некоторые из русских глаголов приобрели сленговое значение с семой говорения. Таков, например, глагол *наехать*: «Слушай, ты чего устроил?» — *наехала* на него Томка. Большой толковый словарь русского языка 1998 г. фиксирует такое значение глагола *наехать*, как «искать ссоры, вступать в конфликт», в котором сема речи выражена имплицитно (в конфликт вступить без вербализации намерений невозможно).

Последняя группа включает в себя окказионально-текстовые ГПР, т. е. глаголы, не имеющие в своей структуре семы говорения, которые разбиваются на: (1) глаголы мимики; (2) глаголы жеста и кинетики; (3) глаголы интеллектуальной деятельности; (4) глаголы, выражающие характер реакции; (5) глаголы эмоционального и психического состояния.

Поскольку мимика является самым выразительным способом невербальной коммуникации, то естественно, что глаголы мимики широко используются для ввода прямой речи: «Я?» — он беспомощно *поморгал*. — «Так это...»); «Да, конечно», — *скривился* Перельман; «А что за тема?» — *покосился* на Димку Степан; I *frowned*. «I have not seen his son»; The woman *raised her eyebrows*: «I

didn't know Frans came from a family so high on their throne you can see up their noses»; My mother pulled in the corners of her mouth. «They are saying your master is going to paint you»; He winked at me. «It was worth it just to hear you call me sir». Встретившиеся в текстах примеры, их семантика свидетельствует о фактически полном соответствии между языками в отношении употребления этих глаголов.

Интересно, что ситуация с глаголами жеста и кинетики, используемые для введения прямой речи, в английском и русском языках складывается иная по сравнению с глаголами мимики, хотя они им подобны и на первый взгляд выполняют сходные функции. Они могут характеризовать эмоциональное состояние персонажа или непосредственную реакцию говорящего на предыдущие реплики собеседника: «Чего сказал?» — *склонился к нему Степан*; «Да... что-то задумалась», — *вздрыгнула Галина Семеновна*; «Очень просто», — *выпрямился Степан*; «У него все есть!» — *подскочила мама*; *I jumped up*. «No, madam. Just a little tired»; «Can I get you anything, Mr. Santangelo?» *Another stewardess was bobbing past; I turned toward her. «You know I don't want to leave. I have to»; I nodded: «Yes, madam»; He lifted the receiver. «Yes?»; «Do you see this?» He pointed to the round object at the end of the smaller box. «This is called a lens.»*

Неудивительно, что многие «физические» глаголы могут вводить прямую речь, поскольку, как считает В. В. Богданов, «позы и расстояния между коммуникантами выполняют контактоустановочную и контакторегулирующую функцию» [3, с. 20], следовательно, и сами такие глаголы могут замещать глаголы речи, устанавливая контакт между говорящими: «Андрюша!» — *теребила меня мама*; «Да оставь ты его», — *дернул жену за рукав Степан*; «Да вы не удивляйтесь», — *погладил ее по плечу Николай*; «Oh, Gino!» *She flung her arms around his neck. «That's was wonderful!»* Тот факт, что корпус насчитывает 18 русских глаголов жеста и 11 — для английских, возможно, отражает большую эмоциональность носителей русского языка и их большее стремление к выражению чувств с помощью жестикуляции.

Глаголы интеллектуальной деятельности также могут обладать способностью приобретать дополнительные «речевые» семы, не свойственные их прямому значению. Наличие таких потенциальных сем у английских глаголов интеллектуальной деятельности, судя по имеющейся выборке, проявляется чаще, чем у русских: *I thought for a moment: «So one of Delft's wealthiest men takes pleasure in looking at you each day.»* Вместе с тем отметим, что, несмотря на одинаковый количественный состав (по шесть глаголов в обоих языках), русским глаголам свойственна несколько большая выразительность, например: «Тогда пусть Старостин значок сдаст!» — *нашлась Оля*; «А давай для мамы лекарство сделаем», — *вдруг осенило ее.*

Эмотивность и экспрессивность являются важнейшими характеристиками языка, поэтому и класс глаголов, обозначающих эмоциональные и психические состояния человека, естественным образом может использоваться не только для описания этих состояний, но и для оформления прямой речи. Для русских ГПР эта группа оказалась самой многочисленной (35 глаголов). В подавляющем количестве случаев они выражают отрицательные эмоции (70%): «Петренко — дурак!» — *разозлился Старостин*; «А вдруг не сломается?» — *испугалась Гулбахор*; «Почему это не умею?» — *обиделся я*; «Эй, эй! Ты

кому звонишь?» — **заволновался** Степан. Аналогичные примеры встречаются и в английском языке: «*These guys are in real snug'n'tight with the cops,*» **she fumed**; «О. К.» *Olympia sulked*. «*But if I meet a better-looking dude don't expect me to hang around*»; «*What is it?*» *Tanneke grew suspicious*. «*Have you done something wrong?*»

Нередко сильные эмоции описываются опосредованно — с помощью глаголов типа *краснеть*, *бледнеть* и пр.: «Ну и что?» — **побагровел** Еж; «Где он?» — **побледнел** вдруг Иван Александрович; «*What news?*» *The color drained from Gino's face*. Встречаются примеры, когда прямую речь вводят «физические» глаголы и иные выражения, в значении которых, тем не менее, выражено переживание эмоции: «Я?» — **сердце** Тетерина ушло в пятки; иногда эмоция сопрягается с «фоничностью» глагола: «Ты что, не слушал?» — **в голосе** Димки **зазвучала обида**; «Чтобы вы тут ее опять закармили?» — **голос** Марии **стал строже**; «Как это “нельзя”?!» — **взвился** молодой человек. Глаголы, выражающие положительные эмоции, также способны оформлять прямую речь: «А в Китае, — **воодушевлялся** Димка, — у меня есть человек, который всю партию может поставить по триста баксов»; «Ну, вот видите», — **смягчилась** секретарь; *Catharina brightened*. «*Yes, she will take you.*»

Различие между языками в отношении эмотивных глаголов оказывается впечатляющим — 35 русских глаголов по сравнению с 16 английскими. Подобное различие, возможно, в очередной раз подчеркивает значительно большую эмоциональность русской культуры и большую сдержанность английской.

Несколько встретившихся «неречевых» глаголов нельзя, строго говоря, отнести ни к одной из выделенных ранее групп — отчасти это происходит по той причине, что в них есть и физическая составляющая, и эмоционально-психическая. Глаголы такого рода в русском материале опять же численно превосходят английский, поскольку в силу своей эмоциональной окрашенности они, скорее всего, более типичны для русского языка: «*Которая у Женьки в альбоме!*» — Катя **не унималась**; «*Иду, иду!*» — **заспешила** Томка; Но Димка **не сдавался**: «*Да это месяц всего*»; «*Куда спрятал?*» — **повысила голос** Мария; «*Да погоди ты*», — **засуетился** Димка; «*I'll come back later*», he **managed**; «*Where are your balls, big man?*» *Carrie challenged him one day in the parlor*; «*I got my own plans,*» he **hedged**.

По своему оформлению прямая речь в английских и русских художественных текстах проявляет сходства в структуре. И для английского, и для русского языков характерен ввод прямой речи с использованием глаголов, функционально замещающих глаголы говорения. Несмотря на совпадение основных функционально-семантических групп ГПР в русском и английском языках, способы введения прямой речи в русском языке обладают большей эмотивностью и экспрессивностью, нежели в английском, это проявляется, в первую очередь, в том, что в русском языке чаще, чем в английском, дается непосредственное указание на эмоции, реакции или психические состояния. Английский язык, в свою очередь, чаще использует нейтрально окрашенные глаголы, семантически связанные с передачей информации.

Что касается соотношения в двух языках фонических глаголов, фазовых глаголов и глаголов, обозначающих действия, то очевидно, что английский язык превосходит русский во всех группах, где производное значение говорения

актуализируется за счет семы звучания, тогда как русский богаче английского, когда речь идет о метафоризации глаголов, обозначающих действия, так что можно заключить, что русский язык является более «эмоционально» ориентированным, в то время как английский «сфокусирован» на характере звучания и вследствие этого оказывается более «фоническим».

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. — М.: Языки русской культуры, 1999. — 895 с.
2. Аствацатуров А. Люди в голом. — М.: Ад Маргинем Пресс, 2010. — 304 с.
3. Богданов В. В. Функция вербальных и невербальных компонентов в речевом общении // Языковое общение: Единицы и регулятивы: Межвуз. сб. н. трудов. — Калинин: КГУ, 1987. — С. 18–25.
4. Геласимов А. Дом на Озерной. — М.: Эксмо, 2009. — 256 с.
5. Горелов И. Н. Невербальные компоненты коммуникации. — М.: Наука, 1980. — 104 с.
6. Кушкарова Г. К. Коммуникативно-прагматические функции глаголов, вводящих прямую речь, в немецком художественном тексте XX в: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Алматы, 1999. — 30 с.
7. Ляшевская О. Н., Шаров С. А. Частотный словарь современного русского языка (на материалах Национального корпуса русского языка). — URL: <http://dict.ruslang.ru/freq.php>
8. Мельникова Е. А. Синтаксические конструкции с глаголами речи в современном английском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. — СПб., 1992. — 21 с.
9. Милых М. К. Прямая речь в художественной прозе. — Ростов-на-Дону: Ростовское книжное издательство, 1958. — 240 с.
10. Ничман З. В. К вопросу об определении границ группы глаголов устной речи (говорения) в современном русском языке // Проблемы русской лексикологии: Науч. тр., вып. 137. — Новосибирск: НГПИ, 1977. — С. 31–42.
11. Русская грамматика. — Т. II. М.: Наука, 1980. — 714 с.
12. Уманцева Л. В. Лексико-грамматические свойства глаголов и глагольных словосочетаний, вводящих прямую речь: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Ростов-на-Дону, 1980. — 27 с.
13. Шевалье Т. Девушка с жемчужной сережкой / Пер. Р. Бобровой. — М.: Эксмо, 2011. — 288 с.
14. Chevalier T. Girl with a Pearl Earring. — London: Harper Collins Publishers, 1999. — 248 p.
15. Collins J. Chances. — New York: Warner Books, 1982. — 346 p.
16. The frequency lists // Word Frequencies in Written and Spoken English. — URL: <http://ucrel.lancs.ac.uk/bncfreq/flists.html>.